

The book cover features a dark, gritty illustration of a war-torn city. In the foreground, two soldiers are depicted. The soldier on the left is wearing a camouflage uniform and a balaclava, looking directly at the viewer. The soldier on the right is in a dark tactical uniform with a balaclava, holding a rifle and looking towards the right. The background shows a multi-story building with significant damage, with a silhouette of a person hanging from a balcony. Debris, including a damaged car and a bus, is scattered on the ground.

ИЛЬЯ ДЕРЕВЯНКО

КРОВЬ И
ЧЕСТЬ

СМЕРТНИК

Издательство СИЛК-ПРЕСС. 2017 год

Илья Деревянко

Смертник

«СИЛК-ПРЕСС»

1999

Деревянко И.

Смертник / И. Деревянко — «СИЛК-ПРЕСС», 1999

«...— Ты знаешь его? Кто это такой? — Олег Парамонов. Погоняла Смертник. — Смертник, — нехотя пояснил Камбала, — в совершенстве владеет приемами рукопашного боя, холодным и огнестрельным оружием. Когда-то давно воевал в Афганистане. В спецназе. После перестройки работал в бригаде Клима. Год назад отошел...»

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Илья Деревянко

Смертник

Пролог

– Ты, сука драная, не представляешь, с кем связался! – дыша густым водочным перегаром и брызгая слюнями, рычал Фока, двадцативосьмилетний чернявый амбал, с масляными глазами навывкате, один из боевиков бригады Комара, контролирующей г. Павловск Н-ской области.

Фока крепко держал за воротник рубашки пожилого перепуганного мужичка-работягу, владельца старенького, замызганного москвичонка. Рядом, ухмыляясь, стояли Алмаз, Чапа и Камбала накачанные парни лет двадцати пяти с золотыми цепями на бычьих шеях. Все трое пребывали в различной (но не ниже средней) степени опьянения и радовались неожиданному развлечению, сулящему, помимо прочего, вполне ощутимую прибыль. Несколько минут назад их Мерседес, обгоняя злополучный Москвич, по вине пять дней не просыхающего Фоки слегка помял себе крыло.

Как известно, у сильного всегда бессильный виноват, и теперь работягу грузили по полной программе.

– Ты, блин горелый, пожалеешь, что на свет родился! – продолжал бандит, периодически с силой встряхивая свою жертву.

Голова бедолаги моталась из стороны в сторону, словно у тряпичной куклы. На пепельно-сером лице проступали бисеринки пота.

– Будешь возмещать нам материальный и моральный ущерб. Чо-о?! Денег нету?! А меня не е...т! Квартиру продашь, если, конечно, жить хочешь!

– И если сучек своих жалеешь, – гнусенько захихикал Алмаз, выудивший из кармана мужика паспорт, где в графе дети значилось: Серегина Татьяна Михайловна 05.02.1970, Серегина Галина Михайловна 03.08.1978.

– Если не хочешь, чтобы мы каждой из них пару бутылок из-под шампанского в манду затолкали. Вот так-то, Серегин Михаил Владимирович! Гы-гы-гы!

– Сволочи! – прошептал Серегин. – Выродки! Как вас земля носит?!

– Ни х...я себе! – хором возмутились бандиты.

– Хайло разекает, козел!!!

Кулак Алмаза врезался Михаилу Владимировичу в ухо.

– Нужно хорошенько отметелить пидораса! – предложил Фока, с размаху пнув носком ботинка упавшее на дорогу тело. – Поучить уму-разуму, а потом...

Внезапно он подавился фразой, дернулся и рухнул ничком на асфальт, получив жесткий удар ребром ладони сзади по шее. Увлеченные процессом гружения лоха, боевики Комара не заметили, как к ним бесшумно приблизился высокий, мускулистый, хотя и заметно обрюзгший мужчина лет тридцати пяти в черных джинсах и черной рубашке навывпуск, минуту назад выпрыгнувший из синей девятки, резко затормозившей у обочины. Его массивная фигура странным образом не вязалась с мягкими, кошачьими движениями, а веселая улыбка на губах с мрачным, тяжелым взглядом. В коротко подстриженных темно-русых волосах то там то здесь виднелась ранняя седина.

– Блатуете, щенки, – ровным голосом констатировал он. – Ну-ну...

– Мамочки родные, – пробормотал Камбала, пятясь назад. – Да ведь это Парамонов! Принесла нелегкая!

– Какого хрена лезешь в чужие дела?! Давно п...лей не получал?! – взбеленился Алмаз, четыре года прозанимавшийся карате и потому чрезвычайно самоуверенный, особенно в подпитии. Тот, кого называли Парамоновым, лишь насмешливо фыркнул в ответ, приведя хмельного супермена в неистовую ярость. Игнорируя предостерегающий окрик Камбалы, Алмаз выбросил вперед ногу, метя нахалу в печень, однако удар не достиг цели, а сам бандит, взвизгнув, скрючился на земле, держась обеими руками за мошонку¹.

Чапа от изумления остолбенел, и в следующую секунду сильный удар основанием ладони снизу вверх в нос привел его в бесчувственное состояние. Камбала, успевший отбежать на приличное расстояние, экзекуции не подвергся...

– У-у-у-у! – плаксиво скулил Алмаз, съжившийся на заднем сиденье Мерседеса и страдающий от жестокой боли в паху. – Яйца отбил, га-а-ад! Из-под земли достану падлу! Замочу в натуре!

– Скорее он тебя, – не оборачиваясь, бросил сидевший за рулем Камбала. – Лучше не трепыхайся. Авось до пенсии доживешь!

– Почему? – глухо спросил Чапа, тщетно пытающийся унять хлещущую из переломанного носа кровь. – Ты знаешь его? Кто это такой?

– Олег Парамонов. Погоняла Смертник.

– Смертник, – нехотя пояснил Камбала, – в совершенстве владеет приемами рукопашного боя, холодным и огнестрельным оружием. Когда-то давно воевал в Афганистане. В спецназе. После перестройки работал в бригаде Клима. Год назад отошел...

– Чем занимается? – с трудом ворочая языком, выдавил Фока.

– Точно не знаю, – пожал плечами Камбала.

– Вроде художник, картины рисует...

– ...Завалю! – взвыл Алмаз. – Яйца, твою мать, прям отваливаются! И-и-и!

– Остынь, не дергайся! – посоветовал Чапа. – Радуйся, что вообще жив остался! Я слышал о Парамонове, только, к сожалению, в лицо не знал. И-эх! Нос в лепешку! Ну да ладно, заживет.

– Вы, наверное, пацаны, белены объелись? – возмутился мало-мальски очухавшийся Фока. – За нами мощная бригада! А этот ваш художник... Тьфу! Один в поле не воин! Наставим ствол, вывезем в лес... Быстренько штанишки обкакает! Уж тогда оторвемся, проучим как положено!

– Хорош базарить! – оборвал приятеля Камбала. – «Ствол наставим!» Ишь Рембо выискался! Думаешь, Смертник волыны² испугается?! Держи карман шире! Парамонов – потенциальный самоубийца. Жить не хочет, но покончить с собой не может! Не из страха, а потому что православный. Церковь запрещает самоубийство. Вот он и сдерживается, не пускает себе пулю в лобешник, хотя очень хочет. Наставишь ты ствол, а он тебя мигом на запчасти разберет.

– Значит, надо сразу палить, издали, на поражение! – не сдавался Фока.

– Некоторые пытались, – вздохнул Камбала, – да ни черта у них не получилось. Будто заговоренный. Два раза Парамонова ранили, но не смертельно, а он в долгу не оставался. Стреляет, подлюка, не хуже, чем дерется!

– Погоди, я совсем запутался, – жалобно простонал Алмаз. – Если он желает умереть, то зачем не дает себя прикончить? Почему сопротивляется?

– Чужая душа потемки, – философски молвил Чапа. – Может, из принципа... Кстати, о Комаре. Не советую ему жаловаться. По мозгам схлопочешь. Шеф вряд ли рискнет связываться

¹ Парамонов применил, по всей вероятности, следующий прием: погасив удар подставкой локтя и небольшим поворотом туловища в сторону атаки, прижался к конечности Алмаза, дуговым движением снизу зафиксировал ее, одновременно проводя удар ногой в пах, не меняя ритма движения, сблизился с противником и сбил его с ног.

² Огнестрельное оружие.

с Пармоновым. Смертник в случае чего такую нам резню учинит! Не к ночи будь сказано...
Яйца же твои побоят да перестанут. Лед к ним приложи, стакан водки вмажь...
Алмаз задохнулся в приступе бессильной злобы...

Глава 1

Олег Парамонов по прозвищу Смертник

Сознательное самоубийство – страшное преступление против бога, тягчайший безмерный непрощительный грех хулы на Святого Духа... Это чудовищное деяние влечет за собой... бесконечную агонию в загробном инобытии, в узах адского сатанинского мрака... Необходимо взять себя в руки, всецело собраться и устоять. Боевая задача номер один не сорваться и выжить. В этом славная победа над дьяволом и явное посрамление нечистой силы.

А. Яковлев-Козырев, Д. Валюженин. Битва с падишахи ангелами.

Из черного дула ТТ на меня смотрела Смерть, ласково улыбалась и манила рукой. Она выглядела отнюдь не отвратительной старой каргой, как принято считать, а прекрасной дамой с чарующими изумрудными глазами. «Иди, иди сюда! – шелестел в ушах вкрадчивый голос. – Ведь это так просто! Одно шевеление указательного пальца... Иди-и-и... милы-ый!» Я прижал ко лбу пистолет с патроном в патроннике, ощутив кожей прохладный металл. «Иди-и-и, милый! Ты так устал!» Или лучше выстрелить в рот?! Чтоб наверняка! Вдруг от моего лба пуля срикошетит?! Дурацкая шутка, не правда ли? Черный юмор, так сказать! Н-да уж! Однако в рот, пожалуй, надежнее. Дуло имело почему-то солоноватый привкус. Бах, и ты уже на небесах! мысленно перефразировал я известную фразу Горбатого из фильма «Место встречи изменить нельзя». Впрочем, на каких, к лешему, небесах?! В аду! Самоубийство прямое жертвоприношение сатане, вспомнились слова священника, которому я недавно исповедовался. Неожиданно мой взгляд упал на висевшую на стене икону с изображением Христа Спасителя. В голове сразу прояснилось, и мне стало стыдно. Господи! Что я творю! Прости, господи!!! Опять нечистый попутал! Я медленно положил ТТ на диван, глубоко вздохнул, затем решительно вынул обойму и передернул затвор, выбрасывая патрон из патронника. «Нет, сатана! Не получишь ты от меня такого подарка! Не дождешься, морда гнусная! Даже не мечтай!» Сквозь не зашторенное окно виднелось ночное небо с огромным сияющим диском полной луны.

От него веяло холодом. Зябко пожившись, я убрал оружие в тайник и закурил сигарету. Спать не хотелось, а снотворное, как назло, закончилось еще вчера. Часы показывали начало третьего. Похоже, заснуть до утра не удастся. Если б поработать, дак нет! Экономический и политический кризис в стране конца августа начала сентября 1998 г. совпал с моим собственным творческим кризисом. Пришла беда отворяя ворота! Причем замысел картины-то был! Хороший замысел, светлый! Я хотел нарисовать мать с маленьким ребенком, стоящую посреди зеленого поля, со стройной березовой рощей на заднем плане, однако вскоре увидел, что вместо доброй русской женщины на холсте появляется злобная ведьма сомнительной национальности, а ведьмино дитя вообще-то не приведи господи! Или это зеркальное отражение нашей сегодняшней жизни?! Вполне возможно! От моей ведьмы исходила едва ли не физически ощущаемая аура зла. Не иначе, бес у меня за спиной стоял, помогал в творчестве, падла! Не желая будить в потенциальных зрителях дурные инстинкты, служить орудием в лапах нечистой силы, я убрал от греха подальше краски, кисти, холст, мольберт... И вот уже неделю места себе не нахожу. Тоска навалилась. Впору плакать от безысходности, да слез нет. Иссеякли. Напиться вдребадан?! Тоже не выход. Еще хуже будет. А дьявол тут как тут, к самоубийству склонить пытается. Мразь! Кстати, подобные попытки он предпринимал несчетное количество раз на

протяжении нескольких лет. Если б не вера православная, не помощь ангела-хранителя³, я б давно разнес себе череп... Нет, сволота рогатая, не дождешься!

С легкой руки Клима братва прилепила мне погонялу «Смертник». Думают, будто я жить не хочу, ищу смерти, специально на нее нарываюсь. Они правы лишь наполовину. Жизнь свою я действительно ни в грош не ставлю, более того, она мне опостылела хуже горькой редьки, однако просто так прикончить себя я не позволю. Спровоцировать экстремальную ситуацию, а потом с нетерпением дожидаться, пока тебя замочат, не делая попыток к сопротивлению, тоже разновидность самоубийства. Значит, этот вариант отпадает. Бога не обманешь! Придется ковылять по жизни дальше. Ладно, как-нибудь перекантуемся!.. Сигарета догорела до фильтра. Затушив окурочек в стеклянной пепельнице, я прикурил новую. Вспомнился сегодняшний инцидент на шоссе, комаровские сямки вконец оскотинились. Грузят беззащитного работягу, с хлеба на квас перебивающегося. Волки позорные! Мало я им вломил, надо б раза в три поболее, чтоб всю оставшуюся жизнь на аптеку работали. Куда Комар смотрит?! Неужто трудно навести порядок среди шестерок? Любой беспредел рано или поздно к беде приводит. Господь все видит. Не спрячешься от Него! Хотя Комар, по правде сказать, дурак полнейший и по жизни засранец. Мнит себя круче вареного яйца. Спеси больше, чем говна в городской канализации. Физиономия надменная, повадки барина, вернее, не барина, а внезапно разбогатевшего лакея: самодовольством сочится, как протухший мертвец зловонной слизью, пальцы постоянно вее-ром растопырены... Не понимает, кретин, одной элементарной вещи: в любой момент он может очутиться на том свете (судя по всему, отнюдь не в лучшей его части) или за решеткой. Человек предполагает, а бог располагает. И никуда ты от этого не денешься, чего бы там о себе ни воображал!.. Время, казалось, замерло. Стрелка часов застыла в глубоком параличе. Тик... так... тик... так... Ощущение времени весьма субъективно. Когда тебе хорошо оно несется галопом, когда плохо тащится, словно полудохлая улитка. Тик... так... Ничего не существует в мире, кроме тоски, безмолвной ночи за окном, часовой стрелки-паралитички да забитой окурками, смердящей пепельницы... Сколько я выкурил сегодня? Две пачки? Три?... Скоро дым из ушей пойдет... Пронзительно заверещал телефон. Вздвогнув от неожиданности, я поднял трубку.

– Здравствуй, Олег! Извини, что разбудил! – донесся из нее дрожащий голос Витьки Колесова, в настоящий момент средней руки коммерсанта, а в далеком прошлом моего соседа по школьной парте.

– Не волнуйся, не разбудил, – холодно ответил я. Колесов не вызывал у меня особых симпатий. Два года назад он напросился под крышу к Климу (чурки круто наезжали), а спустя четыре месяца выпрыгнул. Дескать, денег нету, обнищал, кушать нечего и т. д. и т. п. Проверили втихую. Выяснилось врет, зараза! Вовсе не обнищал, просто сэкономить хочет. Обычная коммерсантская практика. Как прижмет, заливаясь слезами и захлебываясь соплями, кидается в объятия братвы: «Помогите, родимые! Спасите! Ничего не пожалею!» – а нормализуешь ситуацию, отобьешь наезды, юлить начинает, ускользнуть норовит. По барыжьей логике раз все спокойно, платить за крышу незачем. Братва подобных раскладов не прощает. Если б не мое заступничество, Клим устроил бы Витеньке небо в алмазах и правильно бы сделал. Жадным фраерам нужно мозги вправлять. Однако я заступился. По старой памяти. Как-никак в детстве друзьями были. Не разлей вода. Правда, на этом дружба наша закончилась. На прощание я покрыл Витю матом да послал на три веселых буквы. И какого хрена он теперь названивает?!

– У меня беда, Олег! – будто прочитав мои мысли, всхлипнул Колесов. – Кроме тебя, не к кому обратиться. Ирочку похитили... доченьку! Не в силах больше сдерживаться, он зарыдал навзрыд.

– Где находишься? – значительно мягче спросил я.

– Д-д-дома.

³ После крещения в православной церкви к каждому крестившемуся человеку бог приставляет ангела-хранителя.

– Жди, выезжаю...

Повесив трубку на рычаг, я торопливо оделся, достал из загашника ТТ и сунул за ремень брюк.

Я твердо решил помочь Колесову. Во-первых, отнять ребенка у похитителей дело святое, пусть даже папаша шкурник. Во-вторых, чего греха таить, встряхнусь маленько, развеюсь. Лучше схлестнуться в одиночку хоть с целой группировкой, чем сидеть в пустой квартире, таращиться на заряженный пистолет и из последних сил бороться с демоном самоубийства. Витькину дочку я хорошо помнил, забавная белокурая малютка. Добрая девочка, животных любит. В 1996 г. ей исполнилось девять, сейчас, значит, одиннадцать.

Интересно, какая падла пошла на такое? Раньше детей крали в основном чурбаны, а славяне крайне редко. Только конченные ублюдки. Впрочем, последнее время среди козлов, промышляющих киднеппингом, русских стало значительно больше. Деградировал народ, озверел... Су-уки!

Захлопнув дверь, я спустился вниз по лестнице, уселся в припаркованную у подъезда машину и завел мотор...

Колесов проживал в просторной четырехкомнатной квартире в добротном кирпичном доме с высокими потолками, выстроенным в середине пятидесятих годов. Со времен пресловутой жилищной приватизации тут обитали исключительно коммерсанты да нахапавшие взяток чиновники местной администрации. Прежние жильцы сгинули кто куда. В ухоженном дворе стояли многочисленные гаражи-ракушки. Как известно, богатенькие Буратины общественным транспортом не пользуются, не говоря уже о своих двоих. Поднявшись пешком на четвертый этаж (с тех пор как в 1995 г. в меня всадили пули при выходе из лифта принципиально им не доверяю), я позвонил в массивную бронированную дверь. Колесов отворил не сразу. Не менее двух минут обозревал лестничную площадку сквозь импортный телескопический глазок. Наконец, убедившись, что со мной никого нет, впустил вовнутрь. Выглядел Витька ужасно: будто его несколько раз пропустили через сверхмощную стиральную машину.

– А где жена? – полюбопытствовал я, когда мы прошли в гостиную.

– Умерла в прошлом году, – потупив глаза, выдавил он.

– Извини, не знал, – смутился я и поспешил переменить тему разговора. – Расскажи про дочку. Когда это произошло? Похитители звонили? Выдвигали требования?

– Ирочка пропала позавчера, вместе с Валею, домработницей, – тихо начал Колесов. – Валя пошла встречать ее из школы, и... обе исчезли.

– В милицию обращался?

– П-проб-бывал.

– Ну и?...

– Заверили мол, не волнуйтесь, предпримем все необходимые меры... А спустя час мне позвонила на сотовый какая-то женщина и омерзительным сиплым голосом предупредила: «Если до вечера не заберешь обратно заявление вышлем тебе дочь по почте, по частям сперва уши, потом нос, по-том...» – Витька, понурившись, замолчал.

Правая щека у него подергивалась в нервном тике.

– Заявление забрал? – спросил я.

– Д-да.

– Еще звонили? Условия предъявляли? Сумму выкупа назначали?

– Нет.

«Интересно, – я на минуту задумался. – Судя по всему, у похитителей плотные завязки со стражами порядка или же есть в ментуре информатор. Более правдоподобен второй вариант. Иначе с какой стати психовать по поводу заявления? Если в отделении все схвачено, за все заплачено, чихали б они на заявление. Хоть целую пачку напиши! Впрочем, ладно. Странно

другое: с момента похищения прошло двое с половиной суток. Однако ни денег не требуют, ни каких-либо иных условий не выдвигают. Тогда зачем им девочка? И домработница в придачу? Или она тоже замешана?»

– Расскажи подробно о Валентине, – вслух сказал я. – Возможно, сия дамочка имеет к случившемуся самое непосредственное отношение.

– Нет! – взвился на дыбы Витька. – Не мели ерунды!.. Она... Она...

– Для господина Колесова она являлась не только домработницей, – бесцеремонно перебил я. – Слушай внимательно, Витя. И не закатывай истерик. Чай, не баба. Ты просишь меня помочь, невзирая на наши прошлые, мягко говоря, недоразумения. Хорошо, я помогу. Не ради тебя, а ради ребенка, но при одном условии...

– Сколько ты хочешь? – прищурился Колесов. – Могу предложить двадцать тысяч баксов. Не больше. Экономический кризис...

– Заткнись, душа барыжья! – взорвался я. – Ни капельки, блин, не изменился! По-прежнему все деньгами меряешь да еще торгуешься! Правильно говорят горбатого могила исправит. Я вот думаю, не послать ли тебя куда подальше?! Не хнычь! Смотреть тошно! Короче так бабки свои сраные запихай себе в задницу. Обойдусь без твоих щедрот. Условие же будет следующее. Ты подробно, откровенно отвечаешь на заданные вопросы и, главное, не лезешь с комментариями, не мешаешь разобраться в ситуации. Согласен?

Колесов кивнул.

– Отлично. Итак, первое: кто такая Валентина? Откуда взялась? Чем занималась раньше?

Тяжело вздохнув, Колесов начал рассказ. Домработницу он нашел по объявлению, вскоре после смерти жены. О предыдущей профессии спросить не удосужился. Спустя небольшой промежуток времени деловые отношения плавно переросли в интимные. По его словам, Валентина относилась к девочке чуть ли не с материнской нежностью. Самостоятельно вылечила от хронической аллергии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.